

Как показал анализ, для выражения почтения к адресату – вышестоящему лицу или учреждению в рассматриваемый период допускалось введение дополнительного элемента в оформление реквизита «наименование вида документа». Например, в *прошениях* в качестве такого дополнительного элемента иногда выступает прилагательное *покорное* или *покорнейшее*. Ср. фрагмент прошения из дела Самарского губернского правления о вступлении подпоручика Леонтьева в должность городничего г. Бугульмы (ЦГА-СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 646):

*Его Превосходительству
Господину Самарскому Гражданскому Губернатору и кавалеру
Уволеннаго от службы подпоручика и кавалера
Константина Моисѣева Леонтьева*

Покорнѣйшее прошеніе

Очевидно, что наименование *покорнейшее прошение*, в XVIII в. встречавшееся, по свидетельству исследователей, в актах, адресованных духовному лицу или учреждению [Косов 2004], во второй половине XIX в. становится исключительно формулой самоуничужения автора.

Итак, анализ документации самарских губернских учреждений второй половины XIX – начала XX вв. позволил обнаружить ряд жанрово-стилистических особенностей деловой письменной речи, проявляющихся в оформлении реквизитов, структуре текста, стратегиях повествования, документальном обращении и формах административной вежливости. Все выявленные особенности так или иначе связаны с объективацией социального статуса адресата и адресанта деловой коммуникации. Языковой материал, таким образом, демонстрирует, как письменное делопроизводство, «первоначально вводимое как гарант законности» [Орлова 2004], в XIX в. приобретает самостоятельное значение универсальной технологии власти. Даже отдельно взятый фрагмент деловой письменности в ее различных жанровых воплощениях конструирует государственную реальность, воспроизводит механизмы управления и нормы социального взаимодействия.

Литература

Варадинов Н.В. Делопроизводство, или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел. Т. 1, 2. СПб., 1857.

Качалкин А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. II. Филологический метод анализа документов. М.: Изд-во МГУ, 1988.

Косов А.Г. Эволюция документных жанров в деловом языке XVIII века (На материале рукописных и печатных текстов Объединённого государственного архива Челябинской области: Автореф. дис. ... к.филол.н: 10.02.01. Челябинск, 2004.

Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка. Автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2005.

Орлова Г.А. Бюрократическая реальность // <http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004>
Свод законов Российской Империи (СЗРИ). СПб., 1857. Т. X. 1867. Т. II.

О.А. Усачева (Россия, Самара)

ОБРАЗЫ МНОЖЕСТВА И ВЕЛИЧИНЫ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Предметом рассмотрения в данной статье являются образы множества и величины, используемые детьми для выражения количественных значений.

В современной онтолингвистике изучение взаимосвязи когнитивного и речевого развития ребёнка весьма актуально. В частности, активно исследуются механизмы усвоения детьми различных семантических категорий и овладения способами их языкового представления.

Количественность как одна из важнейших когнитивных категорий вызывает у онтолингвистов большой интерес. Однако детально исследованы лишь особенности усвоения детьми раннего возраста

грамматической категории числа и лексико-семантической группы параметрических прилагательных (работы М.Д. Воейковой, Ю.С. Пузановой, С.Н. Цейтлин, М.А. Яценко).

Цель нашего исследования – изучение особенностей формирования и функционирования в детской речи образных средств выражения количественных значений (множества, величины, интенсивности).

Материалом исследования послужили дневники наблюдений за детской речью А.Н.Гвоздева «От первых слов до первого класса», Н.Н.Носова «Повесть о моём друге Игоре», материалы Интернет-сайтов: <http://www.det.org.ru/>, <http://www.boltusha.ru/>, <http://www.solnet.ee/>; неопубликованные родительские дневники, собственные наблюдения за речью детей.

Образы величины и множества органичны в языке для выражения количественных значений (*большое счастье, глубокие чувства, широкий круг друзей, море цветов, лес рук* и мн. др.). Как показало исследование, «количественные» образные модели типа «величина – интенсивность», «величина – множество» и др. широко используются и в детской речи.

Узуальные лексические средства выражения количественных значений нередко используются детьми окказионально. Окказиональное употребление квантификаторов и интенсификаторов часто обусловлено явлением лексико-семантической генерализации – усвоением детьми центральных признаков лексического значения и слабым представлением о дифференциальных признаках, об ограничениях в сочетаемости слова. Например: *Алеша, а мама красивая? – Да. – А эта тетя красивая? – Да. Но ты длиннее (= более красивая)* (Алёша, 5.2) [www.solnet.ee].

Ненормативные сочетания могут возникать вследствие автоматического заимствования интенсификаторов из речи взрослых во время диалога «взрослый – ребёнок». Наглядным примером этому служит употребление лексемы *большой* в составе формулы вежливости при ответной реплике: *Таня за какую-то его услугу однажды сказала ему: – Большое спасибо. Он на мгновение задумался, как бы озадаченный, и тут же ответил: – Большое пожалуйста* (Игорь, 4-5) [Носов 1993]. – *Большое спасибо! – Большое не за что!* [www.det.org.ru]. – *Спасибо большое! – На здоровье большое!* (Дима, 3.6).

Как показал материал, дети часто используют типичные квантификаторы разговорной речи *куча, гора*. Вероятно, переносное значение этих слов усваивается ребёнком из речи взрослых. А.Н. Гвоздев отмечает употребление Женей лексемы *гора* для обозначения большого количества кукурузы, обильно насоренной, но не лежащей кучами. *Там столице кукурузов. Прямо гора. ...* (Женя, 4.4) [Гвоздев 1981: 244]. См. также: *Видел малюсенький дом. Это музей Левитана. Видел там кучу картин.* (Ярослав, 4.9). В сознании детей фиксируется лишь общий смысл «много», выражаемый лексемами *гора, куча*, в соответствии с чем сфера сочетаемости данных квантификаторов оказывается значительно шире узуальной. Так, отмечается употребление слова *гора* для указания на большое количество живых существ: *Говоря о базаре, изображает: – Там народищу много, прямо толпа! Бабов – целая гора* (Женя, 4.4) [Гвоздев 1981: 243]; сочетание лексемы *куча* с наречием степени: *Очень куча мячиков!* (Люба, 3.6) *Столько конфет купили! Очень куча!* (Люба, 3.6).

Лексико-семантическая генерализация отчётливо проявляется и при использовании ребёнком в качестве квантификаторов существительных с семантикой собирательности. Например: *С одной из крыш домов взлетает большая стая голубей. Максим (3) с восхищением: – Мамуль! Посмотри, какой урожай полетел!* [www.boltusha.ru]. См. также переносное употребление слова *стадо* для указания на большое количество насекомых, людей, предметов: *На даче много мошек и комаров. Жалуется: – За мной гонятся стадо комаров...* (Аля, 4.10) [www.solnet.ee]. *Боже мой! Какое стадо женщин!* (4) [www.det.org.ru]. *Увидел несколько электричек на станции: – Ой, какое большое стадо поездов!* (4) [www.solnet.ee].

Показательно, что такого рода ошибочные употребления соответствуют общеязыковой тенденции метафорического использования собирательных существительных в качестве квантификаторов. Так, например, переносное количественное значение слова *урожай* («вообще изобилие, множество чего-нибудь») фиксируется в словарях. Образ стада как средство характеристики множества объектов нередко эксплуатируется в художественных произведениях.

Причиной возникновения образов в детской речи может быть осознанное установление ребёнком связей между реалиями действительности. Фактические знания о тех или иных количественных эталонах актуальны в сознании детей и нередко кладутся в основу создания гиперболических образов, характеризующих множество, величину, интенсивность. Например: – *Виталик! Тебе в деревне у бабушки нравится? – спрашивает тётя Зоя. – Нравится. – А там у вас много детей приезжает? – Много. Целый Китай!*

(Виталик, 5) [www.boltusha.ru]. *Я ногу поднимаю высоко, как гора Олимп (Настя, 6.5). Родителей я люблю до Марса, а Лёшу до Юпитера (Аня, 4.5).*

Об осознанном отношении ребёнка к процессу метафоризации может свидетельствовать приём актуализации внутренней формы созданной метафоры: *Если к нам придёт разбойник, я его убью до глубокой смерти... Знаешь, бывает глубокая яма – из неё не выбраться, вот и глубокая смерть – уже не оживёт* (Кирилл, 5) [Глушевская 2004: 92].

Возникающие в детской речи образы нередко раскрывают механизмы появления узуальных пространственных метафор. Проиллюстрируем это на примере обозначения большого количества при помощи образа величины. Следуя логике Лакоффа, Джонсона, Е.В.Рахилина и Ли Су Хён предлагают использовать для общезыковой метафоры типа *океан цветов, море людей* формулу «шире» => «больше». Подоплёку этой метафоры исследователи видят в том, что мы как будто раскладываем предметы по очень большой поверхности и чем больше оказывается занятой поверхности, тем больше количество предметов. [Хён Ли Су, Рахилина Е.В. 2005: 431]. Сравним с рассуждениями из детской речи: *Я немножко подрасту и буду сам деньги делать ... напишу на бумажке, а потом отрежу. И обокрашу розовым, синим, коричневым, серым, и будут деньги у меня. Я их много сделаю! С папин стол. Со всю улицу сделаю* (Женя, 4.6) [Гвоздев 1981: 257].

Образы множества и величины являются основными при характеристике детьми интенсивности признака. Как известно, ребёнок в процессе развития в первую очередь познаёт мир предметов, одним из свойств которых является протяжённость (либо дискретность) в пространстве. Устанавливая аналогии между абстрактными сущностями и миром предметов, ребёнок стремится объяснить малознакомое через знакомое, привычное. Например: *Идёт с мамой по улице: – Мама, я тебя так люблю, так люблю! Вот сколько деревьев – так и люблю!* (4) [www.det.org.ru].

Взаимодействие признаков «интенсивность» и «множественность» может проявляться и на грамматическом уровне: с одной стороны, в образовании формы множественного числа абстрактных существительных, призванной выразить высокую степень проявления признака: *Папа приходит с работы. Саша (3,6) бежит в прихожую, раскинув руки в стороны и кричит: – Ах, папочка, ты мой милый друг! Давай поцелуемся. У меня столько любовей накопилось!* [www.det.org.ru]; с другой стороны, в использовании существительного со значением единичности для указания на полное отсутствие признака или на слабое его проявление: *Ни капельки холодно нет. Ни одной холодинки у меня нет в кровати!* (Женя, 6.5) [Гвоздев 1981: 296]. *Меня уже меньше тошнит, осталась одна сахаринка тошнения* (4.8) [Глушевская 2004: 69].

Создание пространственных образов осуществляется детьми в соответствии с существующими в языке моделями параметризации абстракций. Показательно соблюдение детьми смыслов, характерных для общезыковых «ориентационных метафор» (Лакофф). Так, в детских высказываниях последовательно проявляет себя реализация образа: «хорошее» – «верх»: *Я тебя так люблю! До неба. До звёзд. Выше пожарной вышки!* (Аня, 3.5). *Я тебя выше Боженьки люблю* (Аня 3,8). *Мама, я тебя люблю на 3 забора* (Глеб, 3.9).

Яркое отличие детских пространственных метафор от общезыковых – их предельная конкретность: *Мама, я тебя очень сильно люблю! Сильно-сильно! Так сильно, как... от спальни и до... до балкона!* (3.8) [www.solnet.ee].

В образах, репрезентирующих количественные значения в детской речи, можно увидеть следы архаического мышления. Как отмечают исследователи, «нерасчленённость, конкретность и образность архаического мышления обусловили отсутствие у древнего человека способности к отвлечённому, в отрыве от конкретных реалий, осмыслению количества» [Черванева 2003: 6]. Например, в русских народных сказках сила героя, как правило, характеризуется через его воздействие либо на очень большой предмет (...на третий день дерево толстое с корнями из земли выдернул) либо на множество предметов (одним махом семерых убиваю). Сравним в детской речи: *Геркулес сильный, он даже осколок скалы поднял, как двухэтажный дом* (Настя, 6.5). *А когда эта музыка играет, я становлюсь очень-очень-очень-очень сильнее Геракла: голы много забиваю* (Настя, 6.5).

В сознании ребёнка абстрактное явление прочно связано с его чувственно воспринимаемыми признаками. А.Н.Гвоздев отмечает, что для Жени качание деревьев – главный признак ветра. И соответственно силу ветра в представлении Жени определяет количество деревьев. *В лесу ещё большие ветрище будет, там много деревьев* (Женя, 4.3) [Гвоздев 1981: 238]. Характеризуя интенсивность салюта, ребёнок обращается к образу животных большой величины, испытывающих на себе силу его воздействия: *Салюты*

такие, что динозавров отгонять можно... Они от салютов, наверное, и вымерли. (Маргоша, 7) [www.det.org.ru].

Степень проявления признака, как правило, в представлении ребёнка определяется размером источника признака или количеством таких источников. Например: *Ищет потерянный топорик и говорит: – Стараюсь всё время шире глаза открывать, чтобы лучше видеть* (Женя, 5.3) [Гвоздев 1981: 280]. *На небе сколько месяцев? – А по-твоему? – По-моему, один. – А что же ты спрашиваешь? – А как же на все года и сёла разве хватит? Разве он такой большой? Это солнце одно, а месяцев два – три...* (Женя, 5.11) [Гвоздев 1981: 291].

В целом, можно говорить о том, что образы величины и множества, используемые в детской речи, отражают механизмы постижения ребёнком количественных значений. Основанные на установлении связей между непредметными сущностями и конкретными предметами, детские образы представляют собой яркий пример когнитивных метафор. Процесс создания детьми образов, репрезентирующих количественные значения, отражает становление общеязыковых количественных метафор.

Литература

Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1981.

Глуцневская Н.В. Полисемантическое слово в речи ребёнка дошкольного возраста: Дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2004.

Носов Н.Н. Повесть о моём друге Игоре // Носов Н.Н. Собрание сочинений в четырёх томах. Том 4: Повести. М.: Современный писатель, 1993. – Электронный ресурс <http://lib.ru/NOSOW/igor.txt>

Хён Ли Су, Рахилина Е.В. Количественные квантификаторы в русском и корейском: моря и капли // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. С. 425-439.

Черванева В.А. Квантитативный аспект фольклорно-языковой картины мира (количественные характеристики концептов пространства и времени в их объективации вербальными средствами русской волшебной сказки): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.

М.Ю. Федосеева (Россия, Самара)

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В СИСТЕМЕ СМИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПЕЧАТНОГО ИЗДАНИЯ «THE ECONOMIST»)

М.М. Бахтиным был сформулирован следующий тезис: «События жизни текста, то есть его подлинная сущность всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин 1997: 229].

Порождение и понимание в коммуникации выступают как деятельностные разновидности. Е.В. Сидоров в монографии «Проблемы речевой системности» отмечает, что в отдельном акте речевой коммуникации выделяются две деятельностные фазы – коммуникативная деятельность отправителя сообщения (порождение) и коммуникативная деятельность адресата (понимание) [Сидоров 1987:11]. С деятельностной природой понимания связан вопрос о его соотношении с понятием интерпретации. Некоторые лингвисты, например Ю.С. Сорокин, разводят эти понятия, указывая на пассивный с точки зрения интеллектуальных усилий характер первого и на активный – второго. Другие – полагают, что: «Адресат – это всегда интерпретатор, независимо от того, осуществляется ли интерпретация бессознательно или на осознанном уровне, уровне текста» [Нурахметов 1989: 85]. Но, вне зависимости от трактовки этого соотношения, адресант сталкивается с необходимостью создания пригодного для адекватной интерпретации текста. Как решается эта задача в рамках профессионально ориентированного текста по экономической проблематике?

Заявленная тема исследования предполагает, прежде всего, уточнение статуса профессионального текста, поскольку существующие в настоящее время дефиниции характеризуются полифоничностью и, в силу этого, предоставляют практически неограниченные возможности для выбора объекта исследования. В настоящей работе представляется целесообразным принять определение М.Я. Блоха, согласно которому «текст есть непосредственный конечный продукт речевой деятельности говорящего/пишущего. Он реализу-